

„Пусто глядим на пустые подъезды“..., пришел бы к положительному убеждению, что у большинства „хризопрасовских“ поэтов также пусто в голове, как и на нилендеровском пустом подъезде.

„Произведения“ Садовского-нетопыря, Сидорова-варвара и мн. др. блещут искрами такой же талантливости, как и Нилендера. (...) скажем только, что „хризопрасовская поэзия“ есть в данное время заметное течение и является продуктом большой мысли и половой извращенности отдельных личностей, большею частью связанных между собой какой-то неестественной, нездоровой дружбой...

Не служащие каким-либо идеалам или настоящему искусству ставят себе целью произведения подобного направления, а только воспевание утонченного разврата. Читающая публика, к счастью, дает заслуженную им оценку, и они обыкновенно исчезают скоро после своего появления на свет. Такая судьба, по слухам, постигла уже и „Хризопрас“, который первым номером и закончил свое бесславное и вредное существование». ⁴⁸

Статья Аглева также стала отголоском внутрисимволистской полемики: указанные в числе авторов газеты братья Койранские и Н. Поярков, хотя и начинали свою деятельность в «Весах», к этому времени являлись активными сотрудниками «Перевала» и, конечно, воспринимали Садовского, Нилендера, Сидорова и других авторов «Хризопраса» как идеологических врагов и конкurentов. Отсюда, вероятно, такие резкие выпады в его адрес и язвительные замечания о его сотрудниках, прежде всего Нилендере. И если до конца февраля Казаков еще не терял надежды на продолжение издания, то после публикации «Студенческих известий» окончательно поставил крест на этом проекте. 26 февраля он написал Садовскому: «Дело со сборниками прекращается, так как после истории Нилендера⁴⁹ наши сборники обругали так, что я не могу рисковать репутацией тех, кто меня об этом просил». ⁵⁰

⁴⁸ Аглев А. [Рец. на кн.:] «Хризопрас», из-ства «Самоцвет». Ц. 60 к. // Студенческие известия. 1907. 25 февр. № 1. С. 4.

⁴⁹ Какая именно история имеется в виду, к сожалению, установить не удалось. Возможно, это связано с намеками на «половую развращенность» и «нездоровую дружбу» в рецензии из «Студенческих известий».

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 1 (письмо от 26 февраля 1907 года).

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-104-121

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Д. А. КРЮЧКОВА В АРХИВЕ Ф. СОЛОГУБА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© А. В. КРУСАНОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)*

Биография и творчество Дмитрия Александровича Крючкова (1887—1938) уже неоднократно становились предметом внимания исследователей.¹ Однако более подробное изучение отдельных этапов его деятельности и различных аспектов взаимоотношений с современниками дает возможность воссоздать не только исто-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Материалы по истории русского авангарда в собраниях Рукописного отдела Пушкинского Дома» № 16-04-00257.

¹ См.: Никольская Т. Л. Крючков Дмитрий Александрович // Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 191—192; Крусанов А. В. Русский авангард. 1907—1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Кн. 1, 2 (по указателю); Соболев А. Л. Дмитрий Крючков // Соболев А. Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 188—219 (сер. «Летейская библиотека»).

рию судьбы поэта, но и выявить некоторые нюансы становления русского авангарда как крайне противоречивого, неоднородного явления.

Крючков родился 14 апреля 1887 года в Санкт-Петербурге. В автобиографии 1913 года он свидетельствовал: «Родители мои происходят — мать из мещан, а отец — из купцов. Насколько знаю, никого особенно выдающегося в нашем роде не было. <...> Учить начали меня дома; затем отдали в пансион, где я стал заниматься немецким языком. Отец мой в своей жизни перепробовал немало разных занятий. Был актером, занимался торговлей; у него, в особенности в один период жизни, обнаружилась сильная тяга к религиозности. Быть может, это и послужило началом моих глубоких и горячих увлечений в церковно-религиозной области, которые сыграли такую большую роль в моей жизни и творчестве».² 16 августа 1895 года Крючков поступил в училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны и обучался там по 19 апреля 1904 года, окончив полный курс по основному отделению, а также дополнительный класс (23 августа 1904 — 6 апреля 1905 года). После окончания училища он был зачислен в ученики Санкт-Петербургской консерватории (24 августа 1905 года), где занимался пением по классу профессора Г. И. Иванова-Смоленского.³ Консерваторию он не закончил, но на сцене выступал.

В историю русской литературы Крючков вошел прежде всего как участник группы эгофутуристов, и хотя его поэтическая деятельность началась практически одновременно со вступлением в группу, положение Крюčkова в ней было обособленным. Он примыкал к эгофутуристам скорее по дружеским, нежели по идейно-теоретическим мотивам.

В качестве певца Крючков участвовал вместе с эгофутуристами в поэзоконцертном отделении вечера (30 декабря 1911 года) в Зимнем театре И. И. Филина на станции Лигово; в январе 1912 года первое его стихотворение появилось в газете «Нижегородец»; в марте несколько стихотворений было напечатано в петербургской «Новой воскресной вечерней газете». О своих поэтических способностях он пытался узнать у Александра Блока и Валерия Брюсова.⁴ Считая себя учеником Брюсова и поклонником его поэзии, Крючков присоединился к эгофутуристам, по-видимому, не без расчета на их издательские возможности и на то обстоятельство, что выступления их не проходят незамеченными публикой. Сам он объяснял свой поступок так: «Примкнул я к футуристам из-за того, что „школа“ их дает широкий простор творческому почину, чуждается академической узости и сухости и борется за расширение словаря писателя и обогащение его как новыми словообразованиями, так и народными речениями».⁵ При этом стихотворения Крюčkова, помещенные в изданиях эгофутуристов, выглядели весьма традиционно, и лишь редкие осмысленные неологизмы указывали на принадлежность их автора к эгофутуризму.

Первая книга его стихов «Падун немолчный» (сентябрь—октябрь 1913 года) получила в целом негативную оценку в периодической печати. Георгий Иванов заметил по поводу ее содержания: «В „поэзах“ Дм. Крюčkова не замечается хулиганства, присущего остальным сотрудникам „Петербургского глашатая“, но пристойность, кажется, единственное достоинство его книги. В „Падуне Немолчном“ нет ни мыслей, ни образности, ни музыкальности».⁶

Другие критики были столь же резки в оценках:

«По его стихам незаметно, чтобы он пережил в жизни хоть одно красивое явление. Везде звучит только беспочвенное и беспричинное хныканье.

² Крючков Д. А. Автобиография (1913 года) // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1971. Л. 1.

³ Личное дело Д. А. Крюčkова // ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. № 2131.

⁴ Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 191—193.

⁵ Крючков Д. А. Автобиография (1913 года). Л. 1.

⁶ Иванов Г. В. (Рец. на:) Петр Погодин. Стихи; Дмитрий Крючков. Падун немолчный; «Круговая чаша»; «Очарованный странник» // День. 1913. 11 нояб. № 306. Приложение: Литература. Искусство. Наука. № 6. С. 3.

Может быть, у него есть и идеалы? Что его приводит в умиление? А вот что: какой-то ладан, кадила, колокольный звон, старухи, кряхтя творящие поклон и т. п. О, небо! Неужели это идеалы футуризма, лучшего будущего?

В реальной жизни г. Крючков тоже ничего не видит больше самого мизерно-поверхностного. Он отмечает: моторы, грохот трамвайный, в лабазе важные (?) мешки, опять трамваи и еще раз трамваи, а в будущем обещает целый сборник стихов о... петербургских фонарях;⁷

«Еще поэт из отряда „ломающихся и кривляющихся“. Читать его „стихи“ тошно. В стих(отворении), помещенном на обложке (все использовано!), автор говорит:

Тебе не нужны, не нужны
Мои колдуны-падуны!

Именно: никому не нужна белиберда, годящаяся только для обитателей желтого дома».⁸

Впрочем, кое у кого книга не вызвала отторжения: «Если с этого сборника сорвать обложку, не читая про „падунов“ и „напевы отходные“, то, пожалуй, в стихотворениях г. Крюčkова мы не найдем ничего особенного. Порой чувствуются ноты настоящей поэзии и искреннего настроения, чувствуется даже некоторое дарование автора. (...) Футуризм г. Крюčkова — маленького заурядного стихотворца — это желание обратить на себя внимание»;⁹ «У автора есть несомненное дарование, иногда удачные образы, несмотря на явную претенциозность».¹⁰

Друзья и соратники старались поддержать и ободрить Крюčkова. Так, в эгофутуристическом издании «Очарованный странник» давалась оценка, диаметрально противоположная рассмотренным выше: «Идет Крючков одиноко своим путем, уверовавший в Бога и несущий нам эту радостную веру, воплощенную в прекрасные свирельные формы. Творчество Крюčkова окутано тонкой дымкой „торжественной святости“. В одном из лучших его стихотворений мы читаем:

У Христа, полевого Христа
Руки тонкие словно лучинки,
И бегут торопливо тропинки
В дальний лес от подножья креста.

И к этим тропинкам, — тропинкам, у которых ютятся „церквушки да ветхие хаты“, стремится душа поэта, чуждая всему городскому.

Пламенная мистика, — вот источник творческого вдохновения поэта, и потому так неудачливы стихотворения его, в которых Крючков модничает и подражает: „небо точно виноградины“, „вы задремали светло-розово“ и т. д. Чувствуешь, что это не его, не близкое ему, чуждое... Стихи Крюčkова не всегда выдержанные, почти всегда экспрессивны. И когда пламенеет он огнем негасимым, веришь „узорным небылицам“ его преображений, веришь в проникновенность его настроений».¹¹

Помимо сотрудничества в эгофутуристических сборниках И. В. Игнатьева, выходявших под издательской маркой «Петербургский глашатай», Крючков публиковал стихи, статьи и рецензии в альманахах «Очарованный странник» под редакцией В. Р. Ховина. В издательстве «Очарованный странник» вышла также вторая

⁷ *Словолуб*. Литературные листки // Осколки. 1913. 19 окт. № 42. С. 6.

⁸ К. <Рец. на:> Дмитрий Крючков. Падун немолчный // Светоч и дневник писателя. 1914. Январь. С. 115.

⁹ П. А. Библиография // Волгарь. 1914. 15 марта. № 72. С. 3.

¹⁰ В. Г. [Голиков В.] <Рец. на:> Дмитрий Крючков. Падун немолчный // Златоцвет. 1914. № 1. С. 17.

¹¹ Вороновская О. <Рец. на:> «Падун немолчный» Димитрий Крючков // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 3. С. 18—19.

книга стихов Крючкова «Цветы ледяные» (апрель 1914). Трудно найти в этой книге что-либо футуристическое. Сам Крючков впоследствии указывал, что его «отход от футуризма начался еще в 1914 году»,¹² но, судя по книге, этот процесс начался еще раньше. Поэтическая благонамеренность книги была замечена рецензентами, которые отнеслись к ней достаточно благожелательно. И. И. Ясинский отмечал, что «автор владеет стихом».¹³ Обычно язвительный С. П. Бобров, которому Крючков послал свою книгу, на сей раз был серьезен: «Вторая брошюра стихов г. Дмитрия Крючкова очень ясно показывает, что поэт этот одарен немало и хороший труженик. Развитие его идет безостановочно вперед, и со времени своей первой брошюры он сделал успехи весьма и весьма существенные. Его ямб приобрел твердость и гибкость, которой могли бы позавидовать многие и не только из молодых. (...) Брошюра, конечно, не лишена некоторых недостатков, которые нам хотелось бы признать временными».¹⁴

Крючков анонсировал еще несколько своих книг, но все они остались в замыслах. Уже весной 1915 года он окончательно отошел от эгофутуристов. Если еще в октябре 1914 года он ставил стихотворное посвящение Северянину: «Игорю — поэту и брату»¹⁵ и выступал на некоторых его поэзовечерах, то уже в марте 1915-го он окончательно разочаровался в поэзии Северянина и опубликовал отрицательные рецензии на его книги «Ананасы в шампанском»¹⁶ и «Victoria Regia».¹⁷ В этих рецензиях он, в частности, подчеркивал свое расхождение с ним по отношению к войне: «Война — наш всенародный, святой подвиг — в стихах Северянина превращается в что-то прямо неописуемое по тону и образам».¹⁸ Изменение литературной позиции Крючкова произошло после нескольких поездок «по России в 1913—1915 гг. — по Каме, в Соловки и на Мурман»,¹⁹ результатом которых стал ряд стихотворений и рассказов, помещенных в различных петроградских журналах.

Одновременно Крючков не мог не разойтись во взглядах на искусство с «Очарованным странником». Несмотря на то что никаких критических выпадов против этого альманаха он не делал, сам факт прекращения сотрудничества с изданием свидетельствовал о серьезной переоценке Крючковым своей литературной и жизненной позиции.

Эгофутуристические пристрастия молодости оказались для Крючкова достаточно поверхностными и нехарактерными для его убеждений, основанных на религиозно-философском мировоззрении. Еще летом 1913 года он совершил путешествие на Крайний Север в Печенгскую обитель. Год спустя он вспоминал об этой поездке: «Летом случилось мне быть на далеком севере, за полярным кругом, в Ледовитом океане. Прожил я там две недели среди мужиков-инок и подивился неумиравшей пламенной жажде Красоты, жившей в их простецких душах».²⁰

Крючков был весь во власти идеалов искусства и религии, которые заменяли ему реальность. Он был готов служить им и отстаивать их от любых посягательств. Поэтому, когда М. Горький во имя «социальной педагогики» выступил против постановки «Бесов» Ф. М. Достоевского на сцене Московского Художественного театра, Крючков увидел в этом наступлении утилитаризма угрозу своим идеалам. Он

¹² Крючков Д. А. Автобиография (14 сентября 1923) // ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 154. Л. 2.

¹³ Чунос М. [Ясинский И. И.] <Рец. на:> Дмитрий Крючков. Цветы ледяные // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 23 июля. № 14266. С. 4.

¹⁴ С. П. Б. [Бобров С. П.] <Рец. на:> Дмитрий Крючков. Цветы ледяные // Современник. 1914. Кн. 13. Июль. С. 123—124.

¹⁵ Крючков Д. Газетным поэтам // Очарованный странник. Альманах осенний. 1914. [№ 5]. С. 4.

¹⁶ Крючков Д. <Рец. на:> Игорь Северянин. «Ананасы в шампанском» // Вершины. 1915. № 16. Март. С. 19—20.

¹⁷ Крючков Д. Библиография // Вершины. 1915. № 29—30. Июль. С. 19—20.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Крючков Д. А. Автобиография (14 сентября 1923). Л. 2.

²⁰ Крючков Д. Вечером на озере // Дневники писателей. 1914. № 2. Апрель. С. 43.

выступил против Горького: «Утилитаризм сбрасывает свою маску и являет перед нами свой угреватый, пошлый, дьявольский лик. Это открытая война против Искусства и Религии, Красоты и Мистики, против постылых „высших запросов”. <...> Народная душа всегда жила и живет неумирающей, пламенной верой, мистической надеждой на иной, невидимый, светлый Град — это радость подобная пасхальному звону, живая, нетонущая, горящая, как огоньки бесчисленных свечей в темнеющих храмах народного сердца. Думать, что лозунгами „социального здоровья”, „живого дела” можно заменить народу его „храм воздыханья и печали”, одним взмахом пера сдать в архив его богатую словом и делом великолепную историю заодно с Достоевским — по крайней мере наивно».²¹

У Крюкова начинает складываться собственное представление о путях футуризма, отличающееся от того, которого придерживались его товарищи. Постепенно его перестало удовлетворять общение с эгофутуристами, и он начал искать другой круг общения, более подходящий его мировоззрению. Свои мысли о новых путях футуризма он хотел обсудить с В. В. Розановым, которому написал письмо 28 октября 1913 года.²² Однако идея Крюкова развивать поэзию русского футуризма на национально-религиозных основах не нашла сторонников среди поэтической молодежи.

Помимо общения с Розановым Крюков несколько раз посетил заседания Религиозно-философского общества. Сам он свидетельствовал: «...в Религиозно-Философском обществе я ожидал найти обсуждение вопросов меня волнующих до муки и до слез».²³ Увы, его ожидало разочарование. В этом обществе поэт столкнулся с нетерпимостью к самым важным для него ценностям. Кроме того, на заседании, на котором обсуждался вопрос об исключении из общества В. В. Розанова (26 января 1914 года), Крюкова просто лишили слова, когда он хотел высказаться в его защиту.²⁴ После этого Крюков утратил интерес к деятельности этой организации.

Постепенное отдаление Крюкова от круга эгофутуристов сопровождалось сближением его с представителями старшего поэтического поколения — символистами, мировоззренческие и творческие позиции которых были ему гораздо ближе, нежели декларации его соратников по эгофутуризму. Сближение с Федором Сологубом облегчалось тем, что и он, и Ан. Н. Чеботаревская охотно контактировали с эгофутуристами и даже давали свои произведения для напечатания в эгофутуристических изданиях. Сологуб с интересом и симпатией относился к литературным опытам футуристов, по-видимому, усматривая в их нарочитом вызове и эпатаже определенное типологическое сходство с русским декадентством.²⁵ Именно с Сологубом и Чеботаревской у Крюкова и завязалось сотрудничество, выразившееся в его участии в организованном ими журнале «Дневники писателей».²⁶

В 1910-е годы в стане символистов возникли серьезные идейные разногласия, связанные с переоценкой Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфoвым прежних литературных позиций. Они стали ратовать за отказ от прежнего декадентского индивидуализма и «искусства ради искусства», за участие писателя в общественной жизни, за ориентацию на Некрасова, а не на Тютчева. Фактически

²¹ *Келейник*. [Крюков Д. А.] «Бесы» Ф. М. Достоевского и «бесы» М. Горького // Очарованный странник. СПб., 1913. № 1. С. 6—7.

²² Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крюков. С. 195—196.

²³ *Крюков Д.* Истина или словесность? // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 3. С. 16—17.

²⁴ См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907—1917: В 3 т. М., 2009. Т. 2: 1909—1914. С. 432—434.

²⁵ Подробнее см.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 693—755.

²⁶ Подробнее см.: *Соболев А. Л.* К истории журнала «Дневники писателей» (1914) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 592—594.

это означало вовлечение писателей в политику. Сологуб не пошел вслед за этими призывами и не стал пересматривать свои литературные позиции. Он остался верен себе, и свою аполитичную линию вместе с единомышленниками продолжал в журнале «Дневники писателей» — органе «свободных мыслей», как охарактеризовала его Ан. Н. Чеботаревская.²⁷ В этих «свободных мыслях» содержалась, в частности, полемика с Мережковским.²⁸

Во втором номере журнала Крючков также упомянул о своих разногласиях с Мережковским: «Вспомнил мне разговор мой с Мережковским о вере и эстетике; не хотел он понять, как важно, как насыщено вечернее великолепие лампад перед громадными темными очами, как близки к сердцу и парча и шелк и вздохи хора, поющие в темных и смутных углах. Неужели действительно не мог понять?».²⁹ Этот разговор принципиального сторонника «l'art pour art» с приверженцем социальной действительности искусства не мог окончиться взаимопониманием. Новые литературные убеждения Мережковского, Гиппиус и Философова были чужды Крючкову, твердо отстаивавшему индивидуализм художника и позиции чистого искусства. По первым двум номерам журнала выявлялась идейная конфронтация «Дневников писателей» с установками Мережковского, Гиппиус и Философова. Роль Крюčkова в этой конфронтации была невелика, но, оказавшись вовлеченным в полемику мэтров символизма, он попал под критический огонь идейных противников. В этой связи показательно, что письмо Крюčkова Философovu от 14 января 1913 года оказалось в архиве Сологуба: его, по-видимому, передал сам адресат, намереваясь продемонстрировать Сологубу всю наивность пафоса одного из его новых adeptов.

Кроме того, письма Крюčkова к Сологубу и Чеботаревской документируют участие поэта в литературной жизни в период Первой мировой войны, а также трагический этап его биографии — арест и ссылку в Сибирь.³⁰ Обращения Крюčkова из иркутского изолятора положили начало продолжительным, но не увенчавшимся успехом хлопотам Сологуба, занимавшего пост председателя Всероссийского союза писателей, с целью облегчить участь поэта и добиться разрешения вернуться в Ленинград.³¹

В состав настоящей публикации вошло письмо Крюčkова Д. В. Философovu от 14 января 1913 года, шесть писем Ф. Сологубу 1914—1925 годов, пять писем Ан. Н. Чеботаревской 1914—1915 годов. Письма печатаются по автографам: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 8. № 25; Оп. 3. № 386; Оп. 5. № 141.³²

²⁷ Письмо Ан. Н. Чеботаревской Л. Н. Андрееву // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. № 222. Л. 1—2 об.; текст письма см.: *Соболев А. Л.* К истории журнала «Дневники писателей» (1914). С. 561.

²⁸ *Сологуб Ф.* Заметки // Дневники писателей. 1914. № 1. Март. С. 13—14. Подробно о взаимоотношениях Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с кругом Мережковских см.: *Гиппиус З. Н.* Письма Федору Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Лит. наследство. 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. / Сост. Н. А. Богомолов, М. М. Павлова; отв. ред. О. А. Коростелев. Кн. 1. С. 540—660.

²⁹ *Крючков Д.* Вечером на озере. С. 42.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 210—218; «Будучи давним членом Союза писателей, я имею полное право сослаться на свидетельство как Союза в целом, так и отдельных членов его...» (Материалы Дмитрия Александровича Крюčkova в фонде Всероссийского союза писателей) / Публ. А. В. Крусанова, Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2019 год (в печати).

³¹ Материалы, связанные с попыткой Крюčkova облегчить свою участь (прошения, письма жены и матери, справки, ходатайства) отложились в фонде Всероссийского союза писателей (ИРЛИ. Ф. 291) и в фонде общества «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ГАРФ. Ф. 8409); часть материалов опубликована: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 212—216.

³² Письмо Крюčkova Сологубу от 15 июля 1925 года впервые опубликовано А. Л. Соболевым по машинописной копии: ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. № 70. Л. 196—196 об., см.: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 210—211.

1. Письмо Д. В. Философову

СПб., 14 января 1913.

Да, тот кто мастером родился,
Тот не в чести у наших мастеров
(Вагнер. «Мейстерзингеры»)¹

Статья Ваша в воскресном номере «Речи»² произвела на меня очень грустное, почти давящее впечатление. Решаюсь беспокоить Вас настоящим письмом, так как в настоящий момент не имею в своем распоряжении столбцов «Петербургского Глашатая»³ для публичной полемики с Вами. Грустно и тяжело — статья Ваша перебрасывает мост между «Речью» и «Синим журналом»,⁴ подобно тому, как уже торжественно подали друг другу руки «Нива» и «Аполлон».⁵ Когда-то, не так давно хотя, тем же Мережковским, столь близким сейчас к академическому креслу,⁶ были сказаны опасные, многообещающие слова:

«Мы для новой Красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты!»⁷

И вот шли года, и возник новый «академизм», явились новые, блещущие довольством и общепризнанностью «мэтры», и с холодной усмешкой сообщает нам Валерий Брюсов, что надо забыть «шалости», «ошибки юности», что бывшее ни к чему не обязывает, ибо

«Мы были дерзки,
Мы были дети».⁸

И вот Вы приглашаете снять ребяческую курточку Игоря-Северянина и стать поэтом «как и все»! Да, конечно, тогда ему откроются «возможности» — ибо и «Нива» в очередь с Фонвизиним⁹ и Гусевым-Оренбургским¹⁰ печатает Михаила Кузмина.¹¹ За чечевичную похлебку «популярности» и «хорошего» тона продают вновь испеченные поэты свое первородство — богоданное право исканий, дерзости и необычности. «Немножко поприличнее — и вход открыт!» Ведь теперь так много эстетически «развитой» публики! Еще бы, когда «Вечерняя Биржевка»¹² пишет о Врубеле и «Нива» хвалит Брюсова¹³ — как не радоваться! Новый Ренессанс — достигнута безбурная гавань и пора причесаться, почиститься и сойти на берег здравого смысла и общепонятности. Зачем давать пощечину общественному вкусу,¹⁴ когда можно любовно лобызать его угреватый, самодовольный лик! Не правда ли, г(осподин) Философов? Как прав оказывается Измайлов, писавший о «запрашивании» божков¹⁵ — вот пьедесталы воздвигнуты, храмы пахнут новой краской и блестят свеженькой позолотой — пора, пора начинать общедоступные празднества и позабыть о том, когда «мы были дерзки, мы были дети!»

И какая солидность положения — с высот «генеральства от литературы» как смешны кажутся «новые дети», их «домашний» способ печатанья. Да, да, отрекшимся от бури, от собственного «я», целующим ноги «эстетической и мифотворческой» черни не нужно «домашних» способов — для них страницы «Нивы», а в ближайшем будущем можно надеяться видеть их в «Огоньке»¹⁶ и в «роскошно-иллюстрированных номерах» «Солнца России»¹⁷ и «Родины»¹⁸ рядом с Брешками,¹⁹ Цензорами, Буховыми²⁰ и прочими уличниками. Печальнее всего, когда жертвами соблазна падают свежие и истинно молодые поэты как Николай Клюев²¹ или Игорь-Северянин.²²

Как тяжело нести крест одиночества! На дальних островах Мечты, под нездешним Солнцем, видеть дерзкие, небывалые сны и презирать туземцев Земли с их робким оглядываньем назад — эта сладкая и горькая доля дана немногим. Эго-футуризм — осуществление грядущего в настоящем, вечный, неустанный поиск са-

мого себя. Кругом смех и злоба «взрослых и солидных». «Place aux bons» писал на днях г. Бенуа²³ — но разве «bons» — это те, что ведут себя пай-мальчиками и не шумят, не беспокоят «старших»?

Много тяжести возлагает на художника Светлое Небо. Но вечно должен помнить он две заповеди: «Будь собой, будь „я“, а не „мы“» и «Вечно ищи, не боясь бездны и заблуждений!»²⁴

Еще много, много есть в душе слов, Ваша статья многое заставила зазвучать. Если хотите, то дайте ответ через газету или письмом. Хотел бы знать Ваши возражения и иметь возможность отвечать на них.

Дм. Крючков

Адрес мой: Кировная ул., д. 29, кв. 10.

Д. А. Крючкову.

Адресовано: «Его Высокородию Г-ну Д. Философову. Улица Жуковского д. 2. Редакция газеты „Речь“». На конверте помета рукой Ф. Сологуба «Д. А. Крючков». На письме — издательская марка «Его».

¹ Эпиграф взят из второго действия оперы Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мастерзингеры» (1861—1867). К январю 1913 года было опубликовано два перевода либретто этой оперы на русский язык. Приводимая Крючковым цитата передана в них иначе: «Кто мастер сам от рождения, / Едва ль уживется среди мастеров» (*Вагнер Р. Нюрнбергские мастерзингеры* / Пер. И. Тюменева. М., 1899. С. 49) и «Ведь истый мастер, природный, — у нас, мастеров, на плохом счету!» (*Вагнер Р. Нюрнбергские мастера пения* / Пер. В. Коломийцова. М., 1909. С. 71).

² Речь идет о статье Д. В. Философова «Смехотворные басни» (Речь. 1913. 13 янв. № 12. С. 2). В ней Философов отзывался об изданиях футуристов в крайне уничижительном тоне: «Другая брошюра — „Пощечина общественному вкусу“ — напечатана по всем правилам типографского искусства. Г. Хлебников в этой книге занимается словопроизводством в области аэроавтики. Блюдя чистоту русского языка, он заменяет иностранные термины русскими. Советует говорить лтец (по образу чтец) и лтица. Лучший авиатор должен называться „первак воздухолтнения“ и т. д., три страницы. А в предисловии Бурлюки и Комп. уступчиво объясняют нам, в чем именно состоит „пощечина“. Оказывается, что „только мы“ (т. е. Бурлюки и Комп.) — лицо нашего времени... <...> „С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество“. Милые Бурлюки ошибаются. Никакой пощечины в их чепухе нет. Им не достать до лица общественного вкуса. Не выросли. И, как собачки, они могут давать пощечины тротуарным тумбам и сапогам прохожих. Тут сказывается их невыразимая бездарность. Существует еще один смехотворный журнал „Эго-футуристов“, которых надо строго отличать от просто „футуристов“, т. е. от господ Бурлюков. В произведениях эго-футуристов много комического и ребяческого. Но посмотрите. Из этой смехотворной каши выделился один поэт — Игорь Северянин. В нем тоже много еще ребячества и чепушистого задора. Он презирает тот мир, „Где четверть века центрит Надсон, а я (т. е. Игорь) и Мирра (т. е. Лохвицкая) в стороне“. Он пишет вроде следующего:

„Я в комфортабельной карете, на эллиптических рессорах,
Люблю заехать в златополдень, на чашку чая, в женоклуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах и о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп...“

Нельзя не улыбнуться, читая эти стихи, особенно, когда автор их читает сам, нараспев. Но улыбка эта для автора безобидная. Просто весело слушать его пустяки, потому что у автора есть несомненный живой талант. Есть надежда, что он скинет с себя ребяческую курточку и станет поэтом, „как и все“. Но на Бурлюков надежды нет никакой. До такой степени пошло и глупо все, что они пишут. И, главное, не смешно. А до крайности скучно. Потому что на этой литературе „сконца“ лежит печать скудоумия и вырождения. Такое зрелище всегда тягостно...».

³ «Петербургский глашатай» — неперIODическая газета, выпускавшаяся поэтом, критиком и теоретиком футуризма Иваном Васильевичем Игнатьевым (наст. фам. Казанский; 1892—1914); на страницах газеты печатались стихи эгофутуристов, статьи о них и другие материалы; с 12 февраля по 15 ноября 1912 года вышло 4 номера.

⁴ «Синий журнал» — популярное еженедельное издание (редактор-издатель М. Г. Корнфельд), отличавшееся ироническим отношением к футуристической литературе. В частности, фельетонист журнала отзывался о словотворчестве «неизвестного и малодаровитого» поэта Павла Кокорина (сборник «Песни девушек») следующим образом: «Что такое „госень“ — это страшная дедовская кровавая тайна молодого поэта» и определил всех молодых новаторов как «крикливых юнцов» (*Бухов Арк. 1*) Песни девушек // Синий журнал. 1912. 1 июня. № 23. С. 11;

2) Как убивают поэзию // Там же. 1912. 16 нояб. № 47. С. 7. См. также: [Б. п.]. Использование небес // Там же. 8 июня. № 24. С. 14; [Б. п.]. Футуристы // Там же. 23 нояб. № 48. С. 9; *Мирский Бор*. Веселая выставка. На выставке «Союза молодежи» // Там же. 1913. 4 янв. № 1. С. 5).

⁵ «Нива» — популярный еженедельный журнал с приложениями, издавался в Петербурге с 1870 по 1918 год; позиционировал себя как журнал для семейного чтения, был ориентирован на самую широкую аудиторию и считался синонимом устарелого общественного вкуса, в противоположность литературно-художественному журналу «Аполлон» (1909—1917), отражавшему последние тенденции и веяния в искусстве. В то же время ряд поэтов и писателей-модернистов (С. Ауслендер, А. Ахматова, К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, С. Городецкий, Н. Гумилев, Н. Клюев, М. Кузмин, Д. Мережковский, Н. Минский, Б. Садовской, Ф. Сологуб и др.) сотрудничали в обоих журналах. В частности, в 1912 году в «Ниве» были опубликованы мистериya Минского «Мудрые и Неразумные» (№ 31. С. 606—610), стихотворения Городецкого «Пиза» (№ 43. С. 853), Ахматовой «Приходи на меня посмотреть...» (№ 44. С. 873), Клюева «Певучей думой обаян...» (№ 45. С. 891), рассказ Вл. Нарбута «Пелагея» (№ 46—47), очерк Садовского «Ф. И. Тютчев» (№ 50. С. 998—1002), а также заметка к 25-летию литературной деятельности Бальмонта (№ 7. С. 143), некролог Августу Стриндбергу (№ 21. С. 420), обзор выставки «Мира искусства» (№ 25. С. 504); в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу „Нива“» в разделе «Библиография» были напечатаны рецензии на издания «Аполлона» — Гумилева на вторую книгу рассказов Ауслендера, на вышедший в издательстве «Скорпион» сборник Кузмина «Осенние озера» — и В. Я. Светлова на книгу Сергея Волконского «Художественные отклики» (1912. Т. 2. Стб. 485—486, 489—490, 493—494). В критических отделах обоих изданий публиковались рецензии, демонстрировавшие отрицательное отношение к эгофутуристам. Так, например, рецензент «Нивы» охарактеризовал стихи Северянина как «литературное озорство и шарлатанство» ([Б. п.]. [Рец. на:] Игорь-Северянин. Электрические стихи // Нива. Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение. 1911. № 8. Август. Стб. 617), а Гумилев, ведущий в «Аполлоне» раздел «Письма о русской поэзии», в рецензии на издание «Петербургского гласателя» «Орлы над пропастью. Преддверный альманах» высказался о Д. Дорине, П. Кокорине, П. Широкове и М. Прусске следующим образом: «Обо всех можно сказать одно: вульгарность и безграмотность переносимы лишь тогда, когда они не мнят себя утонченностью и гениальностью» (Гиперборей. 1912. № 3. С. 28). Однако в целом литературно-художественная критика «Аполлона» двойственно относилась к творческим исканиям футуристов, отдавая должное их новаторству и опасаясь «варварства»; в частности, Гумилев писал о Северянине, что «девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе, как желание скандала или как ни с чем несравнимую жалкую наивность» и при этом отмечал, что «его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе, неожиданны, у него есть свой поэтический облик» (Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 5. С. 76). Подробнее см.: *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 248—251.

⁶ Речь идет о звании «Почетный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук» (учреждено 29 апреля 1899 года, к столетию со дня рождения А. С. Пушкина, предназначалось для выдающихся русских писателей); кандидатура Мережковского предлагалась на выборах в 1902 году. В 1912 году в литературных кругах и в прессе обсуждался вопрос об избрании кандидатов, в частности Мережковского, на вакантные места; выборы не состоялись; см.: *Вересаев В. В.* Как я не стал почетным академиком // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 344—362; *Измайлов А.* Кандидаты в бессмертные // Виржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 2 окт. № 13173. С. 4.

⁷ Цитата из стихотворения Мережковского «Дети ночи»; первая публикация — в журнале «Русская мысль» (1894. № 9) под заглавием «Перед зарею». Стихотворение расценивалось современниками как своего рода манифест декадентства и декларация «новой поэзии» в целом; подробнее см.: *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан. СПб., 2000. С. 844—846 (сер. «Новая библиотека поэта»).

⁸ Неточная цитата из стихотворения В. Я. Брюсова «По поводу сборников „Русские символы“» (22 января 1900 года); правильно «Мы были дерзки, были дети». Крюков, вероятно, пересказывает рассуждения о творческой эволюции Брюсова из книги А. А. Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910): «Кто не помнит, какой причудливо арлекинский костюм он тогда носил и какие у него были тогда чудачества. „Мне помнятся и книги эти, как в полусне недавний день. Мы были дерзки, были дети...“ написал позднее сам Брюсов, оглядываясь на эти дни. (...) Молодое вино перебродило, и из мутного брожения получился чудесный напиток. Буйные шалости забыты Брюсовым...» (с. 14—16). Сам Брюсов довольно лояльно относился к публикациям эгофутуристов, допуская возможность дальнейшего творческого роста молодых поэтов; так, в рецензии на «брошюру тридцатую» Северянина «Электрические стихи» он отметил: «Г. Северянин прежде всего старается обновить поэтический язык (...). Большею частью это выходит у него не совсем удачно, а подчас и смешно. (...) Но все же есть в стихах г. Северянина какая-то бодрость и отвага, которые позволяют надеяться, что со временем его творчество найдет свои берега и что мутный плеск его стихов может обратиться в

ясный и сильный поток» (Брюсов В. Новые сборники стихов // Русская мысль. 1911. № 7. Отд. 3. С. 24), а в обзоре «Сегодняшний день русской поэзии» выделил стремление группы эго-футуристов «сказать „новое слово“, выйти на пути, по которым еще не ступал никто», и призвал критиков разделить творчество молодых новаторов и их «манифесты»: «Все это, однако, имеет лишь весьма отдаленное отношение к поэзии, и стихи „эго-футуристов“ можно и должно оценивать независимо от всех этих, может быть, шуток, может быть, юношеских вызовов, бросаемых наскучившей повседневности» (Там же. 1912. № 7. Отд. 3. С. 20).

⁹ Фонвизин Сергей Иванович (1860—1936) — русский офицер, прозаик, автор неоднократно переиздававшихся романов «В смутные дни», «Две жизни», «Записи свободной женщины» и нескольких сборников рассказов, пользовавшихся популярностью у массового читателя. В № 2 журнала «Нива» за 1913 год был опубликован его рассказ «Ошибка» (с. 30—32). В критике неоднократно отмечался крайне низкий художественный уровень и реакционная направленность произведений Фонвизина; к примеру, Философов отозвался о романе «В смутные дни» (1911) заметкой «Вне литературы»: «Это — толстенная книга большого формата, и стоит она два рубля. Однако распространение ее большое. Садясь в вагон железной дороги, вы непременно увидите в руках соседа толстую книгу г. Фонвизина. О ней говорят „в обществе“, ее превозносит реакционная пресса. Заняться этим романом следует. Лишенный художественного одевания, он блещет обнаженной откровенностью, представляет собой ценный документ для изучения психологии и настроений определенной части нашего общества. Что роман г. Фонвизина *вне литературы*, — в этом не может быть ни малейшего сомнения» (Русское слово. 1911. 23 февр. № 43. С. 2).

¹⁰ Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (наст. фам. Гусев; 1867—1963) — прозаик. В 1912 году в «Ниве» были опубликованы два его рассказа — «Экзамен» (№ 39. С. 773—776) и «Случай» (№ 49. С. 977—978), в № 1—8 за 1913 год — повесть «Враги». В модернистских кругах творчество Гусева-Оренбургского воспринималось как характерный пример примитивного натурализма; в частности, в журнале «Аполлон» был опубликован следующий отзыв В. И. Анненского (Кривича) о повести Гусева-Оренбургского «Грани»: «На фоне надоевшей декорации зарева и дыма по обыкновению вяло топчутся безликие марионетки, которых автор заставляет разыгрывать мелодраму. (...) Право, кажется, что все эти звероподобные чины уездной администрации и рабочие с открытыми лицами на разгромах и погромах давно и раз навсегда были кем-то сочинены и теперь только воспроизводятся машинным способом в три краски и целыми дюжинами за раз» (Кривич В. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1909. № 1. С. [24]).

¹¹ Имеется в виду публикация повести М. Кузмина «Мечтатели» (Нива. 1912. № 44—50).

¹² Имеются в виду следующие публикации: Рерих Н. К. Врубель // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1910. 3 апр. № 11646. С. 3; Ясинский И. Новая выставка // Там же. 1912. 28 дек. № 13319. С. 4.

¹³ В разделе «Библиография» «Ежемесячного литературного и популярно-научного приложения» к журналу «Нива» были опубликованы благожелательные рецензии на книгу Брюсова «Далекие и близкие»: «Статьи талантливого поэта-критика читаются с интересом. Они обвеяны благородным духом настоящей критики, беспристрастной и любовно-внимательной» (1912. Т. 1. Стб. 713) и его сборник стихов «Зеркало теней»: «...он остается все тем же блестящим версификатором, редким стилистом, „чеканщиком золота“, поражающая читателя блеском рифм и созвучий и яркой определенностью и выпуклостью образов. Как и в прежних его стихотворениях, кой-где у него проскальзывает холодное риторство, но и оно одето в такой блестящий наряд, что производит впечатление красивого и возвышенного пафоса» (Там же. Т. 2. Стб. 137).

¹⁴ Намек на футуристический сборник «Поощина общественному вкусу. Стихи, проза, статьи» (М.: Изд-во Г. Л. Кузьмина, [б. г.]; зарегистрирован в «Книжной летописи» 7—14 января 1913 года).

¹⁵ Крючков ссылается на первую главу книги Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры»; Измайлов отмечал, что борьба «старого» и «нового» в литературе напоминает торг с ценами «по запросу»: «„Старое“ хочет отстоять непоколебимыми столбы недавно самодержавного реализма. (...) А в другом лагере — те же нелепости противоположного запроса. В жадном желании сломать все старое, прежнее, недавнее, вчерашнее, здесь не останавливаются перед самыми „республиканскими“ требованиями. (...) И минутами положительно думаешь: это запрос. „Надо ошеломить обухом. В итоге мы сойдемся на плохонькой, но верной литературной конституции“» (С. 37—38). К манифестам футуристов, а также к их поэтическим опытам Измайлов относился довольно скептически: «Ничто не ново под солнцем! Пятнадцать-двадцать лет назад мелкие русские журнальчики были полны такими причудами в стихах и прозе (...). И сейчас эти шалости похожи на дурачества взрослых, бородатых людей, намеренно гримасничающих, высовывающих языки, сюсюкающих и кривляющихся» (А. [Измайлов А. А.] Фениксы декаданса // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1912. 4 марта. № 12819. С. 6).

¹⁶ «Огонек» — популярный еженедельный иллюстрированный журнал (1899—1918).

¹⁷ «Солнце России» — популярный еженедельный иллюстрированный журнал (1910—1917).

¹⁸ «Родина» — популярный иллюстрированный журнал (1879—1917).

¹⁹ Речь идет о журналисте, прозаике и литературном критике Николае Николаевиче Брешко-Брешковском (1874—1943), печатавшемся во многих периодических изданиях.

²⁰ Цензор Дмитрий Михайлович (1877—1947) — поэт, прозаик, участник кружка «Вечера Случевского», собраний на «Башне» Вяч. Иванова; входил в «Цех поэтов»; показательно упоминание его имени в заметке И. В. Игнатьева «Футуристы и футуризм»: «Теперь, когда ослабели силы т. н. „молодых“ — всех этих Балымонов, Блоков, Городецких, Кузминых, Кречетовых, Цензоров и т. п. (...) вырисовываются новые Золотые Вечные слова — Футуризм» (Петербургский глашатай. 1912. № 2. С. 1); Бухов Аркадий Сергеевич (1889—1937) — писатель-юморист, сатирик; сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон»; публиковался в «Биржевых ведомостях», журналах «Весна», «Солнце России», «Журнал журналов» и др.

²¹ Стихотворения Н. Клюева печатались на страницах журналов разной направленности; см.: Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. М., 1988. Т. 11. С. 41—43.

²² Северянин публиковался в массовых популярных изданиях, в частности: «Весна» (1908. № 14. С. 8; 1908. № 17. С. 7; 1911. № 19. С. 9; 1911. № 25. С. 8—9; 1911. № 26. С. 9; 1911. № 27. С. 7, 12; 1911. № 28. С. 2—3, 7), «Всеобщий ежемесячник» (1910. № 1. С. 56), «Всеобщая иллюстрация» (1910. № 5. С. 4), «Артист и сцена» (1911. № 2. С. 4), «Петербургский журнал» (1911. № 3. С. 4), «Отмена визитов» (1912. 1 янв. С. 29).

²³ Речь идет о следующем пассаже из статьи А. Н. Бенуа «Художественные письма. Принципы „Мира искусства“» (Речь. 1913. 11 янв. № 10. С. 2): «Один из пошлейших и гнуснейших криков наших дней, это: „Place aux jeunes“. Почему именно молодым? Раньше раздавался крик: Место и почет старцам. Это тоже было нехорошо с точки зрения искусства, в этом сказывалась цеховая и чиновничья психология, но заменившее его воззвание ничуть не лучше и не справедливее. Единственно правильный принцип в искусстве можно резюмировать словами: „Place aux bons“».

²⁴ Крючков ссылается на основные «доктрины» эгофутуризма, восходящие к раннему декадентству (культ собственного «я», доходящий до самообожествления, стремление к свободе личности в противовес «общественности»); «доктрины» были изложены в изданных под маркой «Его» стихотворной листовке И. Северянина «Пролог. Эго-футуризм» (ноябрь 1911 года), «скрижалях» Академии Эгопозии (январь 1912 года), листовке И. Северянина «Интуитивная школа. „Вселенский Эго-Футуризм“». В начале января 1913 года, после отхода от эгофутуристов И. Северянина, за подписью оставшихся членов группы — И. Игнатьева, П. Широкова, В. Гнедова и Д. Крючкова была составлена и разослана по редакциям периодических изданий «Грамата Интуитивной Ассоциации Эго-футуризм», первый пункт которой составлял тезис: «Эго-футуризм — непрестанное устремление каждого эгоиста к достижению возможностей Будущего в Настоящем» (см.: Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб., 2017. С. 797—845).

2. Письма Федору Сологубу

1

СПб. 12 мая <19>14.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам кое-что в прозе и несколько стихотворений. Если найдете возможным поместить в «Дневниках» — буду очень рад;¹ в особенности хотелось бы мне ответить Философому на его «критическую» статью.² Завтра уезжаю на Каму до 2 июня; мой новый городской адрес: Кирочная ул. д. 29, кв. 10.

Привет Анастасии Николаевне.

Искренно преданный Дм. Крючков

На обороте письма помета рукой Сологуба: «Крючков Дм. А.».

¹ В журнале «Дневники писателей» в 1914 году были опубликованы прозаическая миниатюра Крючкова «Вечером на озере» (1914. № 2. Апрель. С. 41—44) и две его статьи — «Защитник коллектива и реставрация» и «О жизни, жизненности и любителях ясности и простоты (Театральные горести)» (1914. № 3/4. Май—Июнь. С. 34—37, 54—56).

² Статья Крючкова «Защитник коллектива и реставрация» представляет собой полемический отклик на разгромную статью Д. В. Филофова «Пиршественный стол» (Речь. 1914. 10 мая. № 125. С. 2), посвященную первым двум номерам «Дневников писателей», в частности миниатюре Крючкова; предметом язвительной критики Филофова стали рассуждения Крючкова «о вере и эстетике» в связи с упомянутым в миниатюре разговором с Мережковским: «Дмитрий Крючков, уже совершенно захлебываясь, описывает красоту иноческой жизни на далеком севере. Начав с футуризма, со „смелого бунта“, Крючков начинает тяготеть к „реставрации“ и не сегодня-завтра бросится в объятия Флоренского, Эрна, Булгакова и Комп(ании). (...) размышления г-на Крючкова над исторической красотой, которая превратилась из правды в „красоту“ для душ утонченных, а не простецких — фальшивы, риторичны и отвратительны. Потому что погрязший в чернильную красоту Крючков подменил жизненное творчество бумажным и в своем эго-футуризме, в своем хилом индивидуализме совершенно забыл, что творит не только личность, а и коллектив». Ответный пафос Крючкова был направлен в адрес Религиозно-философского общества и прежде всего Мережковского, Гиппиус и Филофова: «...нужно сказать, что вообще наше „богоискательское трио“ очень грешит по части программности и схематичности. (...) Никто не отрицает за Мережковским и другими права искать Бога, „обливаясь потом“, но дайте же и нам (...) то же право мыслить, творить и веровать» (Дневники писателей. 1914. № 3/4. С. 34—35). Подробнее см.: *Соболев А. Л.* 1) Дмитрий Крючков. С. 198—202; 2) К истории журнала «Дневники писателей» (1914). С. 592—594.

2

Петроград 27.I.(19)15.

Дорогой Федор Кузьмич!

Посылаю Вам четыре стихотворения для сборника в пользу жертв войны;¹ если не погодятся — не откажитесь написать, пришлю что-нибудь другое. Сердечный привет от жены и меня Анастасии Николаевне и Вам.

Искренно преданный Дм. Крючков.

Пески, Мытнинская ул. д. 5 кв. 47.

Адресовано: «Его Высокоородию Федору Кузьмичу Сологубу (Тетерникову). Разъезжая ул. д. 31»; помета на конверте рукой Сологуба: «Крючков».

¹ Речь идет о сборнике: Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Пг., 1915; Сологуб входил в состав редколлегии издания. В сборнике было опубликовано стихотворение Крючкова «Светлый сон...» («Светлый сон, с детства близкий, Сладчайший...»; С. 61). Кроме того, четыре стихотворения Крючкова («Триолет» («Открыты шлюзы, хлынула вода...»), «Древние доблести вспыхните снова...», «Я к пламенной реке во сне приник...», «Вновь тучи захлебнулись в крови...») были помещены в «Бельгийском сборнике» (Пг., 1915), средства от продажи которого также были направлены в пользу жертв войны.

3

Соловки. 19.VII.(19)15.

Привет с Соловков¹ Вам и Анастасии Ник(олаевне) от жены и меня.

Искренно Вас уважающий

Дм. Крючков

Отправлено из Архангельска 23 июля, адресовано: «Ярославская губ., Песочное, с(е)ло Красное, усадьба Тихменева. Е(го) В(ысоко)Б(лагородию) Федору Кузьмичу Сологубу (Тетерникову)»; открытка с видом Соловков: «Соловецкий Монастырь. Дорога на Секирную гору».

¹ Крючков неоднократно совершал поездки по Русскому Северу; в автобиографии 1923 года он отметил: «Большое значение для моего литературного творчества имели поездки по России в 1913—1915 гг. — по Каме, в Соловки и на Мурман» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 154. Л. 2).

4

СПб. 28/15.X.<19>18.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Сейчас я был у Вас; меня направили к Вам. Так как я желал бы возможно скорее вступить в союз,¹ то прошу рассмотреть мое заявление и, кроме того, сообщить мне, как можно поступить со вступительным взносом, ибо сейчас я никаких наличных средств не имею.

Буду ждать ответа здесь же.

Искренно уважающий Вас Дм. Крючков

Письмо вложено в конверт; на внутренней стороне конверта подписано: «Председателю Союза деятелей художественного слова Федору Кузьмичу Сологубу»; на конверте — рисунки рукой неустановленного лица; помета рукой Сологуба: «Крючков».

¹ Речь идет, по-видимому, о вступлении в Союз деятелей художественной литературы, который возглавлял Ф. Сологуб (с мая по октябрь 1918 года); подробно о деятельности Союза и его документы см.: Союз деятелей художественной литературы / Публ. В. П. Муромского // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 125—196.

5

Иркутск, 15 июля 1925.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Простите, что я теперь по памяти нашего знакомства и Вашего прекрасного отношения ко мне решаюсь беспокоить Вас кое-какими просьбами. Дело в следующем: 1) Быть может, Вам приходилось хотя бы случайно слышать, что я был арестован 7-го декабря 1923 года, увезен в Москву и там приговором судебной коллегии ОГПУ от 19 мая 1924 г. осужден на 10-летнее тюремное заключение с обычной изоляцией по ст. 61 (дело католических русских общин восточного обряда).¹ С 31-го июля 1924 года я нахожусь в иркутском изоляторе. Сознание полной моей невиновности в какой бы то ни было преступной деятельности и несомненного права открыто исповедовать мои религиозные убеждения не дают мне, конечно, никакой нравственной возможности просить ВЦИК о помиловании, снижении наказания или о чем-нибудь подобном. Но все же мне крайне тяжело жить в Сибири вдали от родных, вне возможности заниматься систематически литературным и научным трудом. Мои родные не могут приехать сюда, и я не видал их уже 20 месяцев — матери около 65 лет, она все время больна; жена не имеет лишнего гроша в кармане — обеим им, вероятно, не суждено меня видеть вовсе, если только я буду оставаться дальше в Иркутске. Пользуясь правом, установленным ныне действующим пенитенциарным кодексом, обе они послали 16-го июня 1925 во ВЦИК в Москву ходатайство о перемещении меня из Иркутска в Ленинград по месту оседлого жительства. Быть может, Вы нашли бы возможным поддержать это ходатайство от имени Союза,² или в случае невозможности, от себя лично — доктор установил у меня еще в Москве эпилепсию, истерию, неврастению и некроз сердца — 5000 верст этапа и полтора года заключения не прибавили, конечно, к этому диагнозу чего-либо хорошего. Жизнь вне возможности видеть близких людей, без необходимых книг мне крайне тяжела — так как я постоянно работал, сидя в тюрьме, в бухгалтерии и культпросвете, то с 22 сентября 1924 г. был переведен в разряд исправляющихся. В случае если для исполнения моей просьбы Вам понадобятся какие-либо дополнительные сведения, попрошу Вас обратиться к матери моей, Прасковье Николаевне Крючковой (Кирочная ул., д. 29, кв. 10). 2) Быть может,

Вы найдете возможным дать хоть какую-нибудь работу жене моей — Марии Александровне Крючковой (адрес — ул. Белинского (бывшая) Симеоновская), д. 6, кв. 14) — она очень нуждается и только урывками может зарабатывать гроши за продажу газет, шитье белья и тому подобную случайную работу. 3) Мне лично изредка присылают по несколько рублей родные и церковные люди — не найдет ли Союз возможным помочь мне как постоянному своему члену — к сожалению, я сам справиться со своею нуждою не могу, так как прокуратура снимает с работ всех политзаключенных.

Еще раз прошу извинить меня за это длинное письмо — обращаюсь к Вам в моей нужде и горе как к собрату по литературе, как к человеку сердечно и снисходительно относившемуся ко мне с самого начала моей литературной деятельности. Будьте добры написать мне хотя бы пару слов в ответ на это письмо — я приношу Вам заранее мою глубокую, сердечную благодарность за Ваши труды и любезность. Полагаю, что лучше бы всего было снести (в случае благоприятного Вашего решения) со ВЦИК относительно ходатайства телеграммой от имени Союза — впрочем, Вам, конечно, виднее. Прошу Вас передать мой привет всем помнящим меня и прежде всего Алексею Павловичу Чапыгину³ и Вяч. К. <sic!> Шишкову. Будьте здоровы и счастливы — да хранит Вас Христос и Пречистая Его Матерь. Ожидаю с нетерпением Вашего ответа.

Искренно Вам преданный Дм. Крючков.

Адресовано: Иркутск. Изолятор, 8 пост, камера 55. Дмитрию Александровичу Крючкову.

¹ Подробнее см.: Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю., Шикер А. К. Римско-католическая церковь на Северо-Западе России. СПб., 1998; Соболев А. Л. Дмитрий Крючков. С. 209—218.

² Крючков был принят в члены Всероссийского союза писателей 27 июля 1920 года; см.: ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 420. Л. 26.

³ Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — прозаик, драматург, сценарист; Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — прозаик; наряду с Сологубом поддержали ходатайство Крюčkова во ВЦИК от 2 июля 1926 года: «Я, пролетарский писатель Алексей Павлович Чапыгин, работаю в литературе 22 года, лично известен А. В. Луначарскому с 1905 г. Свидетельствую, что, зная давно Крюčkова Дмитрия Александровича, встречался с ним часто по литературным делам в редакции „Всемирной Литературы“ и других и никогда не слышал от него никаких контрреволюционных слов или порицания существующему государственному строю СССР», «Из моих нескольких встреч с Д. А. Крючковым в издательстве „Всемирная Литература“ я вынес впечатление, что Д. А. Крючков — человек глубоко-религиозный (в философском понимании этого слова) и совершенно не интересующийся вопросами ни внутренней, ни внешней политики. Писатель Вяч. Шишков» (ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 99. Л. 25).

6

Иркутск, 13 августа 1925.

Многоуважаемый Федор Кузми!

Простите, что еще раз решаюсь Вас беспокоить моим делом. 15-го июня я посылал Вам письмо по адресу Союза писателей и просил сестру мою справиться у Вас об ответе, но ввиду того, что она Вас не застала дома, а письмо могло и пропасть, вторично хочу Вас просить о том же. 7-го декабря 1923 года я был арестован, 19-го того же месяца увезен в Москву и 19-го мая 1924 года судебная коллегия ОГПУ приговорила меня к 10 годам тюремного заключения с обычной изоляцией по ст. 61 у(оловного) кодекса. Дело касалось русских католических общин восточного обряда (к католичеству я присоединился в августе 1923 года). Дело перенесено из области религиозной в политическую (всегда и всюду мне абсолютно чуждую). 31 июля 1924 я по этапу был доставлен в иркутский изолятор, где нахожусь и сейчас. Не чувствую за собою никакой вины в политическом преступлении про-

тив существующих законов и, твердо отстаивая свое право верить согласно велениям моей совести, я, конечно, не мог и не могу просить о каком-либо снисхождении. Но дальнейшее расстояние и оторванность от дома не дают мне возможности видеться с родными — матерью, женою, сестрой и братом. Матери более 60 лет, она больна, и средств на поездку в Иркутск у обеих никаких нет. Сам я болею неврозом сердца и неврастений и, кроме того, страдаю от невозможности вести научную и литературную работу из-за отсутствия необходимых книг. 15 июня мои родные послали во ВЦИК в Москву ходатайство о переводе меня в Ленинград — по месту оседлого жительства. Не найдете ли возможным поддержать это ходатайство от имени Союза — я думаю, что болезненность моя и постоянная непричастность к политике достаточно хорошо известна как Вам, так и очень многим членам Союза. На всякий случай добавляю еще необходимые сведения — я причислен ко 2 категории, состою в среднем разряде — исправляющихся с 22 сентября 1924 года и в течение целого года принимал участие в работах культпросвета и бухгалтерии. Добавочные сведения можно получить у моих родных — Кирочная ул., д. 29, кв. 10, Прасковья Ник(олаевна) Крюкова. Если все это возможно, то лучше было бы дать в Москву телеграмму во ВЦИК. Кроме того, я просил бы поддержать какой-нибудь работу мою жену — Марию Александровну Крюкову (ул. Белинского, б(ывшая) Симеоновская, д. 6, кв. 14) и, если можно, оказать мне небольшую помощь. Простите, дорогой Федор Кузмич, еще раз за эту бесцеремонность — надеюсь, памятью наши прежние хорошие отношения, что Вы не будете сердиться на мою назойливость. Очень прошу Вас, во всяком случае, написать мне хотя бы пару строк в ответ и известить о принятом Вами решении.

Сердечно Вам преданный Дм. Крюков.

Адресовано: Иркутск, изолятор, 9 пост, камера 63, закл(юченному) Крюкову Д. А.

Адресовано: «Ленинград. Петроградская сторона. Малый пр. д. 1/3 кв. 22. Федору Кузьмичу Сологубу»; отправлено 16.08.1925; доставлено 9.09.1925.

3. Письма Ан. Н. Чеботаревской

1

СПб. 9.VII.(19)14.

Ваше письмо, Анастасия Николаевна, меня очень обрадовало. Оно пришло как раз вовремя — я собрался к Вам писать по литературному делу. Сейчас я занимаюсь сочинениями Ф. К.¹ и черновая работа мною почти наполовину сделана. Хотелось бы мне написать более или менее обширный критический этюд и выпустить его отдельной книжкой. Я слышал, что этой зимою будет юбилей Ф. К.;² сообщите мне, пожалуйста, какой и когда именно. Хотел бы я приурочить мою вещь именно к этому времени. Затем еще — я хочу писать об и отношении критики к Ф. К. и указать, что это может служить общей характеристикой нашей «художественной» критики. Для этого мне хотелось бы иметь Вашу книгу «Ф. Сологуб»³ — если у Вас найдется лишний экземпляр, одолжите мне хотя бы на время — буду Вам очень благодарен. Если бы у Вас я мог, кроме этого, выдать *газетные* отзывы о Ф. К., то это, конечно, помогло бы полноте моей работы. По-моему, отзывы газет о художниках слова крайне поучительны и забавны; в них — все убожество и наглость будней, весь трагизм одиночества художника. В моей работе я не хотел бы приходить к каким-либо определенным выводам; по моему замыслу должна появиться книга «Любви к Сологубу». Из этой любви должно возникнуть тесное и радостное соприкосновение с его творчеством. Я не знаю, что мне удастся сделать, но таковы мои

намерения. И если Вы поможете мне в этом, то я от души буду Вам благодарен. Живу я тихо, скромно, домоседом; изредка лишь езжу с женой на симфонические в Павловск. Осенью хочу выпустить третью книжку стихов «Синь огнетворящая».⁴ Пробую писать рассказы, один совсем закончил, несколько наметил — если будет охота прочесть их Вам или Ф. К., буду рад. Как «Дневники»? Еще не вышли?⁵ Мой сердечный и искренний привет Ф. К.

Всего лучшего. Жду Вашего ответа.

Искренно преданный Дм. Крючков.

Кирочная ул. д. 29 кв. 10.
(До 15 августа)

На конверте: «Балтийская жел. дор. Станция Iebbe. Орро. д. Мегар. Ее Высочеству Анастасии Николаевне Чеботаревской. От Дм. Крючкова. СПб. Кирочная ул. д. 29 кв. 10».

¹ Ф. К. — Федор Кузьмич Сологуб.

² Пятидесятилетний юбилей Сологуба приходился на 17 февраля 1913 года, а 30-летний юбилей литературной деятельности на январь 1914 года — 28 января 1884 года вышел номер журнала «Весна» с первой публикацией Сологуба.

³ Речь идет о книге: О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки / Сост. А. Н. Чеботаревская. СПб., 1911.

⁴ Книга не вышла.

⁵ Имеется в виду ежемесячный журнал «Дневники писателей», издававшийся Ф. Сологубом, в котором сотрудничал и Крючков. Первый номер вышел в марте 1914 года; всего вышло три номера.

2

20.III.<19>15. Христос Воскресе!

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Очень благодарен Вам за присланные книги; к Фоминой неделе, вероятно, дам «Вершинам»¹ отзыв о Стендале.² О военных стихах Ф. К. отзыв, по словам Гордина,³ уже был.⁴ Привет от жены и меня Вам и Фед(ору) Кузм(ичу). Всего лучшего. Загляните к нам, будем рады.

Сердечно преданный Дм. Крючков.

Пески. Мытнинская ул., д. 5, кв. 47.

Открытка с акварелью Альберта Бенуа «На разведке», выпущенной Петроградским городским комитетом в пользу воинов и их семейств.

¹ «Вершины» — литературно-художественный журнал (1914—1915).

² Речь идет о рецензии: Крючков Д. Красное и черное. Хроника 1830 года. Стендаля (Генриха Бейля). М., 1915. Перевод Анс. Чеботаревской // Вершины. 1915. № 21. Апрель. С. 19—20.

³ Гордин Владимир Николаевич (1882 — после 1926) — литератор, редактор журнала «Вершины».

⁴ См.: Богданова Н. (Рец. на:) Федор Сологуб. Война. Стихи. Изд. «Отечество». Петроград 1915 // Вершины. 1915. № 12. Февраль. С. 20.

3

Петроград. 30.IV.<19>15.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Одновременно с письмом этим посылаю Вам шесть стихотворений на русские темы (заказной бандеролью).¹ Буду рад, если найдете что-либо из присланного пригодным для Вашего сборника;² в таком случае не откажитесь черкнуть мне, что

именно Вами выбрано. Привет от меня и жены Вам и Фед(ору) Кузм(ичу) — не забывайте нас.

Сердечно Вам преданный Дм. Крючков.

Пески, Мытнинская ул. д. 5 кв. 47

¹ Имеются в виду стихотворения (автографы сохранились в архиве Сологуба): «Россия» («Шмель бормочет. Цветет синева...»), «В студеном просторе, за Носом Святым...», «Златые и колкие воины хлебов в час жарыни...», «Стой крепко русская земля...», «Зажегся свет, исчезла, тая, мгла...», «Лишь вспомяну про Русь и Бога...»; см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 81.

² Речь идет о сборнике: Россия в родных песнях. Стихотворения / Сост. А. Чеботаревская; предисловие Ф. Сологуба. Пг., 1915. Для данной книги Чеботаревская отобрала одно стихотворение Крючкова — «Лишь вспомяну про Русь и Бога...» (С. 153). Стихотворение «Стой крепко русская земля...» было включено в сборник: Война в русской поэзии / Сост. А. Чеботаревская; предисловие Ф. Сологуба. Пг., 1915. С. 114.

4

Петроград. 19.X.(19)15.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Очень извиняюсь за мое поспешное бегство в воскресенье — к счастью, на этот раз предчувствие меня обмануло и я пока хожу здоров. Но гнетущее ощущение это мешало мне и слушать и думать — вот почему я решительно ничего не мог ответить на Ваш вопрос о пьесе.¹ Теперь днем, когда тоска улеглась, настроение стало яснее, когда утряслись и оплотнели вчерашние впечатления — я с удовольствием поделюсь с Вами моими мыслями о пьесе, если только Вам не скучно будет читать письмо. Я, безусловно, разделяю основную мысль пьесы — о возрождающем действии войны. Подтверждения этому можно найти повсюду и только слепой их может не увидеть. Этот же переворот я вижу и во Франции — сегодня, напр(имер), Левинсон пишет о новом романе Бурже, о возрождении католичества.² Мне думается, что война несет нам освобождение от духовных шор — вот почему я все-таки считаю Гавриила человеком прошлого. Надо смеяться над сектантской узостью таких людей, как эта переписчица, смеяться, а не молиться им, как приглашает «мережковщина».³ Меня лично привлекает в пьесе обилие индивидуальностей, слившихся в одной, одинаковой, всем близкой вере в Россию. Жаль Кирилла, конечно, но сколько их сейчас растет — их демократизм ведь не программа, а живая, деятельная любовь к народу, который они знают не по-профессорски.

Думается, что пьеса, через голову критики, должна понравиться публике — в особенности акт в саду, с иллюминацией — тут чудесное поле для актера и режиссера.

Лично я не принимаю Риммы⁴ — хищные женщины меня отталкивают, мне непонятна такая радость и активность — но это, конечно, всецело личный вкус.

Вот, кажется, все, что мне хотелось передать Вам — если несвязно и ненужно, то простите.

Поклон от жены и меня Вам и Фед(ору) Кузм(ичу).

Искренно преданный Дм. Крючков.

Петр(оградская) стор(она)
Певческий пер. д. 3 комн. 201

Адресовано: «Ее высокородию Анастасии Николаевне Чеботаревской. Разъезжая ул. д. 31 кв. 4»; помета на конверте рукой Сологуба: «Д. Крючков — 2».

¹ Речь идет о чтении пьесы «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых). Драматические сцены в 4-х действиях» (Пг.: Театр и искусство, 1915); написана Сологубом совместно с Чеботаревской. Действие происходит в усадьбе семьи Воронцовых; главные герои пьесы — бывший профессор Гавриил Алексеевич Воронцов, его жена и младший брат Кирилл, посвя-

тивший себя занятию сельским хозяйством и службе по земским выборам, оказываются втянутыми в череду любовных коллизий, которые разрешает начавшаяся война. Пьеса была прочитана на «воскресенье» Сологуба 18 октября 1915 года; об этом вечере Блок оставил запись: «Вечером — к Сологубу: Бальмонт, Сомов, Зелинский, Тан, Крючков, Тэффи, Слонимская, Patoillet, барон Дризен, Ковалевская, „молодой поэт“, Мгебров, В. А. Щеголева, „Олечка Глебова“» (Блок А. Записные книжки: 1901—1920 / Сост. подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965. С. 269). Пьеса, отличавшаяся излишней напыщенностью и мелодраматизмом, получила в целом негативную оценку современников и критики, что чрезвычайно задело Чеботаревскую; неудачно сложилась и ее сценическая судьба (пьеса не была одобрена к постановке на сценах императорских театров; не состоялась постановка в Московском Художественном театре). Подробнее см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 259—261, 264—265, 268—269; Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906—1927) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. Е. Галаниной // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 257—258, 373—376.

² Левинсон Андрей Яковлевич (1887—1933) — журналист, литературный, театральный критик, историк балета и балетный критик, переводчик. Речь идет о его статье «Смысл смерти» (Речь. 1915. 19 окт. № 288. С. 2), посвященной творчеству французских писателей Поля Бурже (1852—1935) и Шарля Ле Гоффика (1863—1932).

³ Имеется в виду героиня пьесы — работающая у Воронцова переписчица Аглая Семеновна, «бесцветная девица, 28 лет»; в образе переписчицы — «серьезной девушки», кичащейся своими духовными интересами и напоказ отрицающей стремление к простому семейному счастью, — Крючков, по-видимому, усматривает намек на религиозно-философские искания круга Мережковских.

⁴ Речь идет о героине пьесы — Римме Николаевне Критской, школьной подруге главной героини.

5

Петроград. 12.XII.15.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Сердечно сожалею, что никак не могу попасть на собрание о(бщест)ва «Искусство для всех»¹ — занят в это время и освободиться не имею возможности. Благодарю за приглашение — во всяком случае готов всем способствовать успеху общества и быть самым деятельным членом его. Надеюсь в ближайшем будущем загладить мою невольную вину.

Искренний привет от жены и меня Вам и Фед(ору) Кузм(ичу).

Искренно Вам преданный Дм. Крючков.

Петр(оградская) стор(она)

Певческий пер. д. 3 комн. 201

Адресовано: «Ее высокородию Анастасии Николаевне Чеботаревской. Разъезжая ул. д. 31 кв. 4»; помета рукой Сологуба: «Д. Крючков — 1».

¹ Общество «Искусство для всех» было основано Сологубом и Чеботаревской в мае 1915 года «в целях разностороннего ознакомления людской массы, образованной и полуобразованной, с искусством во всех его проявлениях, в поэзии, музыке, декламации, пении, в скульптуре, живописи и зодчестве» (Новое общество «Искусство для всех» // Новое время. 1916. 10 марта. № 14370. С. 5); подробнее см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 262—264. В данном письме, по-видимому, речь идет о первом учредительном собрании Общества, состоявшемся 13 декабря 1915 года; Крючков отсутствует в списках присутствовавших на заседании, однако он был избран членом Ревизионной комиссии и значится в составленном рукой Сологуба списке членов Общества; см.: «Искусство для всех», художественное общество. Материалы, касающиеся деятельности Общества // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 29. Л. 21 об., 28 об., 38.